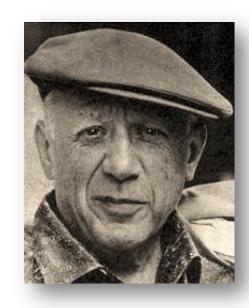
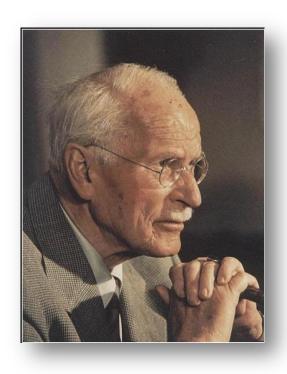
Игрушки Пикассо

Роль Пикассо в искусстве XX века невозможно переоценить. Его многочисленные стилистические направления и эксперименты многократно давали импульс для развития мирового изобразительного искусства.

Один из корифеев психоанализа, К.Г. Юнг в своей известной работе (1932) относит художника к группе творцов с шизофреническим типом творчества, основываясь на том, что работы Пикассо лишены эмоций, им присущи дисгармония и противоречивость. Юнг считает, что «в художественной форме этих картин преобладает настроение разорванности, распада, выражающееся в ломаных линиях,

и это свидетельствует о психической раздвоенности личности творца».

Точность диагноза в одном случае и прогностическая ошибка в другом? Гений Юнга определил всё правильно. Только далее в жизни творчестве Пабло Пикассо случилась «Герника» обладающая (1937),многими шизофренического признаками произведения по Юнгу, кроме эмоционального безразличия. Пикассо написал картину всего за два месяца. Возможно, что это спасло событие ПСИХИКУ художника И дезавуировало прогноз великого психиатра.

Сравнивая творчество Пикассо и ирландского Джойса, Юнг писателя Дж. пишет: ≪...B (творчестве Джойса) нет ничего привлекательного для читателя, всё стремится его оттолкнуть, так что случайная привлекательная любая деталь воспринимается как непростительная уступка и отступление. Уродства, болезни, гротеск, неясности возникают не для того, чтобы что-то выразить, а, напротив, чтобы всё сокрыть. И этот покров влечёт к себе читающего. Он, словно холодный который окутывает безлюдное болото. Лишённый замысла, он подобен зрелищу, не нуждающемуся в зрителях». В то же время Юнг «не берётся делать предсказания относительно будущего Пикассо». Приблизительно в эти же годы великий швейцарец по дочери Джойса предположил шизофрению, которая и манифестировала через несколько лет после этого, вынудив писателя тратить почти все свои немалые гонорары на её лечение, впрочем, безрезультатно.

Русский художник П.Корин, придерживавшийся принципиально иной, нежели Пикассо, творческой направленности, писал, увидев «Гернику»: «Я изменил к Пикассо отношение, он стал для меня большим мастером. Я почувствовал: много мучений, много дум вкладывает он в искусство».

Неординарность характера Пикассо, свойственная, впрочем, любому выдающемуся человеку, никогда не давала основания для психиатрического вмешательства на протяжении всей долгой жизни художника. Не считая возможным оспаривать мнение швейцарского гения, всё же заметим, что Пикассо, по воспоминаниям очевидцев, мог одновременно работать над несколькими произведениями в совершенно различных стилях, что представляется маловероятным в случае шизофрении, ибо символика патологического языка весьма эфемерна, и дважды войти в ту же реку для шизофреника практически невозможно. Об этом говорит, например, такой текст, как пиктограмма. Психически больной уже через несколько часов не может вспомнить то слово, которое он сам зашифровал вычурным рисунком-символом.

Кажется, что под маской парадоксальной эмоционально выхолощенной шизотипичности Пикассо была скрыта детская непосредственность, которая позволила придумать столько разных игрушек-стилей и разобрать столько игрушек-моделей составные части. Кто, кроме ребёнка, смог бы сделать голову быка из велосипедного руля, приставленному к велосипедному («Bukrania» (голова быка), 1943)? нередко придумывают нечто подробное, но быстро об этом «шедевре» забывают: у них слишком много более важных забот и дел. А Пикассо не забыл, сумев превратить детскую ШУТКУ выразительное произведение «Каждый ребёнок - художник. искусства.

Трудность в том, чтобы остаться художником, выйдя из детского возраста», – говорил сам мастер.

Выраженное СХОДСТВО большинства клинических проявлений психических расстройств с особенностями нормальной детской психики наводит на мысль о близости ментального процесса шизофреников детей. Именно дети и психически больные, да ещё, пожалуй, дикари (кстати, не случаен интерес Пикассо к африканской культуре и этнографии) существуют в системе мифологического сознания, которое требует особого метафорического языка. Они, словно три диалекта одного и того же древнего праязыка. Однако у дикарей на таком языке разговаривает всё племя. Дети свои символические системы легко изменяют, трансформируют, не привязываясь к ним намертво. Одна и та же тросточка может быть: сегодня – саблей, а завтра – конём. Кроме того, преимущественная деятельность у детей правополушарного, образного мышления (левое, аналитическое полушарие включается в психическую жизнь человека позднее, приблизительно к 6 годам у мальчиков и к 13 голам у девочек), даёт им возможность сравнительно легко понимать друг друга в условных системах персональных метафор. Они без большого затруднения становятся общими для коллектива играющих детей, например, дружно скачущих на тросточках-лошадях.

Таким образом, и дикари, и дети имеют возможность говорить на своём языке с окружающими, и у них находятся собеседники. Не то что у психически больных и некоторых художников. Метафорическое мышление и язык каждого из них индивидуальны и крайне редко могут стать средством общения, скорее наоборот, они являются способом шифровки. Поэтому шизофреник почти всегда оказывается единственным человеком, говорящим на своём языке. Художнику может повезти, и он иногда находит единомышленников.

Как писал М. Элиаде, «человек традиционной культуры видит себя реально существующим только тогда, когда (с современной точки зрения) он перестаёт быть самим собой и довольствуется имитацией и повторением жестов другого. Иными словами, он осознаёт собственную реальность, адекватность самому себе только и исключительно тогда, когда он отказывается от этой адекватности». Шизофреник и художник, ищущий персональный путь в искусстве, как раз от своей адекватности не отказываются. Они остаются сами собой, но при этом иногда оказываются в изоляции. У них нет своего племени (а у окружающих их художественных критиков - детской подвижности мышления, готовой подхватить и усвоить чужую систему метафор). Не здесь ли начинается шизофренический аутизм? Стать же в ряд общих мифологемархетипов язык и символическая система психически больного не успевают: для этого нужны поколения людей. По сути дела, больной не успевает сотворить свой собственный мир – эта задача не по силам человеку, который должен назвать новыми именами предметы, существа, дать определения явлениям (в собственном виртуальном Миф – это то, что известно всем. То, что известно одному, может быть либо истиной, либо фикцией, либо мороком, но не мифом.

Таким образом, уделом шизофреника становятся недосотворённый недостроенный мир, то есть хаос. И лишь изредка миры психически больных, язык их мифологем и символов становятся понятными другим людям, часто не сразу и далеко не всем. Ван Гог при жизни сумел продать лишь одну картину. Если бы язык неевклидовой геометрии Н. Лобачевского не понял никто, то его наука осталась бы на уровне бредовой моноидеи, как и концепция межпланетных странствий К. Циолковского, и математический труд Г. Перельмана... Не случайно существование в психиатрическом фольклоре трагикомических историй об иностранцах, которые считались сумасшедшими, так как не знали языка врача.

Мышление человека порождает его язык, в том числе и художественный. Инакомыслие (могущее быть одним из симптомов шизофрении) рождает иноязычие и оригинальность художественного языка.

Возникая во времени и пространстве, язык сам влияет на их окончательное оформление: «бутылка наполовину пуста или наполовину полна?». Поэтому, видимо можно говорить о том, что психически больной живёт в персональном мире, где пространства И времени подчиняются индивидуальному, пусть и недостроенному мифу. В нём, быть может, бутылка не то чтобы полна или пуста, а вообще не бутылка! У СуМаСшЕдШего ШлЯпНиКа из сказки Л. Кэррола тоже своё время - «всегда пять часов». Каждый психически больной, как и ребёнок, является драматургом собственной космогонии. Но заигравшегося ребёнка рано или поздно мама позовёт ужинать, окликнув его на понятном для обоих языке, позвав в мир общих мифов и метафор. У психически больного такой возможности нет. Никто не может позвать или окликнуть его. Язык сумасшедшего непонятен никому. Космогония бреда, не ставшего общим мифом, навсегда становится миром больного и его трагедией.

Пабло Пикассо силой своего художественного гения сумел превратить индивидуальный мир в почти общепризнанный миф. Его разобранные модели оказались поисками тех архаичных структурных единиц, из которых складывались семиотические системы, языки и национальные культы.

К.м.н. Игорь Якушев, Архангельск